

К ВОПРОСУ О «БЛЕДНЫХ ПОЛЯХ» (BLEIKAR AKRAR) В «САГЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ»

Борисенко Даниил Сергеевич

Аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
ColonelMas1997@yandex.ru

TO THE QUESTION ABOUT "PALE FIELDS" (BLEIKAR AKRAR) IN "ALEXANDERS SAGA"

D. Borisenko

Summary: The article considers a controversial place in the "Alexanders saga" – a translation from Latin into Old Norse of the original poem "Alexandria" by Walter of Châtillon. We are talking about the scene with the so-called "bleikar akrar". The author analyzes in detail the main milestones of the discussion that took place in the scientific community on this issue, offers his solution in the translation of this scene, explains the reasons for its appearance in the text, reveals the role of the Old Norse translator in the context of the plan. It is concluded that the translation of "bleikar akrar" as "pale fields" is unconvincing and does not correspond to modern knowledge about color designations and color semantics in the Old Norse language.

Keywords: Alexanders saga, Walter of Châtillon, Old Norse, Latin, «bleikar akrar».

Аннотация: В статье рассмотрено спорное место в «Саге об Александре» – переводе с латыни на древнескандинавский язык оригинальной поэмы Вальтера Шатильонского «Александрия». Речь идет о сцене с так называемыми «bleikar akrar». Автор подробно анализирует основные вехи дискуссии, которая велась в научной среде по этому вопросу, предлагает свое решение в переводе данной сцены, разъясняет причины ее появления в тексте, выявляет роль в контексте замысла древнескандинавского переводчика. Делается вывод о том, что перевод «bleikar akrar» как «бледные поля» является неубедительным и не соответствует современным знаниям об обозначениях цвета и цветовой семантике в древнескандинавском языке.

Ключевые слова: «Александрия», Александр Македонский, древнескандинавский язык, Вальтер Шатильонский, перевод.

«Сага об Александре» уже как минимум более века привлекает внимание различных скандинавских и иных исследователей, выделяясь своими литературными достоинствами среди всего корпуса переводных скандинавских саг, однако по-настоящему бурную дискуссию начал Лоннрот в 1970-х гг., связав один из эпизодов «Саги об Александре» со сценой из «Саги о Ньяле» [12]. Однако, прежде чем приступить к разбору самой дискуссии, стоит сказать несколько слов о самих произведениях. Первым из них является поэма «Александрия», написанная по материалам сочинения античного историка Квинта Курция Руфа и повествующая о походах Александра Македонского. Автором поэмы является известный латинский поэт французского происхождения Вальтер Шатильонский, написавший «Александрию» примерно в 1170-х гг. Основными прототипами для Вальтера при составлении «Александрии» послужили «Энеида» и в большей степени «Фарсалия» Лукана, чьи кровавые описания боев мгновенно узнаются и на страницах Александрии при описании баталлий при Иссе, Гавгамелах и Гидаспе.

Другим анализируемым нами литературным памятником, собственно, является древнескандинавский перевод «Александрии», получивший название «Alexanders saga» («Сага об Александре»). Перевод был выполнен в XIII в. предположительно в Исландии или Норвегии. На данный момент сочинение сохранилось в ряде рукописей, где помещено среди других переводных саг, таких

как «Сага о римлянах» или «Сага об иудеях». Предполагаемым автором перевода, равно как и автором «Саги об иудеях», является Бранд Йонарссон – исландский священник, который позднее стал епископом Холара (Wolf 1988, р. 374-375). «Сага об Александре» относится к категории так называемых переводных саг, включающих в себя переводы с латыни и старофранцузского сочинений различного характера: рыцарских поэм (сказания о короле Артуре и Рыцарях Круглого стола), античных апокрифических сочинений (сочинения о Троянской войне Дарета Фригийского), средневековых исторических хроник («История королей Британии» Гальфрида Монмутского) и т.д. Для нас важно, что данная группа саг является попыткой перенесения латинской и романской культуры на скандинавскую почву, знакомства скандинавов с некоей экзотикой вроде Троянской войны, короля Артура, Тристана и Изольды или, как в нашем случае, походов Александра Македонского.

Целью настоящего исследования является установление степени адекватности перевода древнескандинавского сочетания «bleikar akrar» как «бледные поля» в «Саге об Александре» латинского поэта французского происхождения Вальтера Шатильонского.

Скажем несколько слов о самой концепции перевода, сложившейся в период от Античности до Средних веков. Начиная с «Ars Poetica» Горация и его знаменитой строки «Nec verbum verbo curabis reddere, fidus interpres»

(«Словом слово переводить да не позаботишься, верный переводчик») [9, p. 33], существовало два базовых теоретических принципа перевода: «ad verbum» (дословно), «ad sensum» (по смыслу). В зависимости от жанра переводимого сочинения избирался один из этих принципов: так, Иероним, считая даже порядок слов в Священном Писании «таинством», переводил дословно, тогда как, например, Цицерон, переводя греческие философские сочинения, старался их адаптировать на римский лад, тяготея к переводу по смыслу [13; 8, p. 89-98]. Не исключено, что Бранд был знаком с переводческими взглядами Иеронима и в целом с его творчеством: так, во второй книге переводчик, рассуждая насчет правдивости данных о численности персидской армии, ссылается на «Книгу Макавеев» – «Þa boc er enn helge Jeronimus prestr hefir fort af ebrescu i latino» («книгу, которую перевел с еврейского на латынь святой Иероним-священник») (22). Здесь и далее ссылки на «Сагу об Александре» даны по номерам книг и страниц издания Унгера 1848 г. [15]. Тем не менее, сама практика перевода не позволяла применять методы дословного или смыслового перевода в выхолащенном, чистом виде: приходилось находить некие компромиссы, что видно на примере работы переводчика «Саги об Александре».

Начиная с гипотез шведского ученого Л. Леннрота, предметом острых дискуссий в филологической науке стала сцена, где Александр после высадки на берег Малой Азии поднимается на холм и обозревает оттуда еще непокоренные владения персов. По мнению Л. Леннрота, данный эпизод был заимствован автором знаменитой «Саги о Ньяле» для одной из сцен линии Гуннара, в том числе с проекцией клерикальных ценностей, содержащихся в «Саге об Александре», на поведение Гуннара, который, как полагает Л. Леннрот, послушался совета своего наставника и стал, подобно Александру Великому из «Саги об Александре», жертвой собственной гордыни [12, p. 154-159]. В данной дискуссии также принимали участие такие ученые, как Питер Фут [6] и др., а также Д. Ашурст, чья статья является, пожалуй, наиболее свежим их до сих пор изложенных мнений по данному вопросу [3].

Для начала приведем саму спорную цитату из «Саги об Александре»: «Par mátti hann alla vega sjá frá sér fagra valla, bleika akra, stóra skóga, blómgaða víngaða, sterkar borgir. Ok er konungr sér yfir þessa fegrð alla, þá mælir hann svá til vildarliðs síns: «Þetta ríki, er nú lít ek yfir, ætla ek mér sjálfum. En Grikkland, faðurleifð mína, vil ek nú gefa yðr upp» segir hann til hofðingjanna. Ok svá treystisk hann nú sinni gæfu, at honum þykkir sem þetta liggi laust fyrir» (13) («Он мог видеть во все стороны от себя красивые долины, бледные поля, обширные леса, цветущие виноградники, мощные города. И когда конунг видит вокруг себя всю эту красоту, то он говорит своим избранным людям: “То царство, которое я сейчас обозреваю, я хочу сделать своим. А Грецию – мою родину, я передам теперь вам”, –

говорит он своим начальникам, и он настолько теперь доверяет своей удаче, что ему кажется, что все будет легко достижимо») [15]. Собственно, дискуссия между учеными возникла из-за словосочетания «bleikar akra» – «бледные поля», которое, помимо «Саги об Александре», встречается еще в «Саге о Ньяле» (причем больше нигде в корпусе древнескандинавских саг данное словосочетание не зафиксировано), в эпизоде, где Гуннар колеблется между тем, чтобы уйти в изгнание на чужбину, или же остаться и встретить смерть на родной земле, чьей красотой он упоенно восхищается: «Fogr er hlíðin, svá at mér hefir hon aldri jafnfogr sýnzki, bleikir akra ok slegin tún, ok mun ek ríða heim aptr ok fara hvergi» [14, p. 182] («Красив холм, так что мне никогда он не казался столь красивым, [красивы] бледные поля и скошенные ограды, и я поеду домой и никуда не уйду»).

Примечательно, что в целом, как отмечает Д. Ашурст, для семейных саг нехарактерны развернутые описания природы, что послужило еще одним аргументом в пользу литературного заимствования со стороны автора «Саги о Ньяле» [3, p. 275]. Л. Леннрот также высказал гипотезу, что как автор «Саги о Ньяле», так и составитель «Саги об Александре» могли обратиться к некоему устному общему источнику – фольклорной традиции, однако тот факт, что в многочисленных иных сагах, которые безусловно, были основаны на устной традиции, подобных метафор с бледными полями не содержится, не говорит в пользу правоты Л. Леннрота.

В поэме Вальтера Шатильонского поля названы «зеленеющими» («vernantes»): «Hinc ubi uernantes Cereali gramine campos, / Tot nemorum saltus, tot prata virentibus herbis / Lascivire videt tot cinctas menibus urbes / Tot Bachi frutices, tot nuptas uitibus ulmos / «Iam satis est,» inquit» (I, 436-440). Здесь и далее ссылки даются по номерам книг и строкам поэмы Вальтера Шатильонского в издании Колкера 1978 г. [16]. Как справедливо отметил Д. Ашурст, у Вальтера пейзаж явно весенний: случайно подобрано слово «vernantes», однокоренное со словом «весна» («ver»), а травы названы «зеленеющими» («virentibus»). Если исключить возможность ошибки переписчика рукописи «Саги об Александре», выходит, что Бранд специально изменил оригинальный пейзаж, превратив зеленеющие поля в «бледные». Предположение Л. Леннрота о том, что переводчику показалось более ярким и впечатляющим эпитет «бледный» мы считаем лишены оснований, тем более что сам Л. Леннрот, кроме субъективных эстетических соображений, не представил никаких иных доказательств [12, p. 159]. Причем с этой гипотезой никак не сочетается тот факт, что по соседству с «бледными полями» Александр увидел «цветущие виноградники» («blómgaða víngaða»), следовательно, переводчик осознавал, что в «Александрии» перед ним весенний пейзаж, и все же вставил «bleikar akra» в сагу.

По мнению Д. Ашурста, автор «Саги об Александре» взял эпитет «бледный» по отношению к полям из Евангелия от Иоанна, хорошо известного Бранду как священнику: «*Levate oculos vestros et videte regiones quia albae sunt iam ad messem*» («Поднимите свои глаза и увидите белые места, уже готовые к жатве») [17, p. 35]. Д. Ашурст полагает, что латинское слово «*albus*», обозначая «мертвенно-бледный» оттенок по отношению к «*candidus*» («ослепительно белому»), якобы напрямую коррелирует с древнескандинавским «*bleikr*» [3, p. 277]. Впрочем, никаких конкретных примеров такой корреляции Д. Ашурст не дает.

Мы решили проверить использование слова «*bleikr*» во всем корпусе средневековой скандинавской прозы. Было найдено несколько десятков случаев употребления данного слова: оно использовалось при описании цвета серебра («*bleict silfr*»), человека с кожей мертвенно бледного цвета («*Ok fyrir þui at hon sa hann blæikan ok bloðlausan. Þa hugði hon at hann være dauðr*»), трупа («*bleikr sem nár*»), цвета волос или бороды («*Har hans var aðrummægin ræikar blaeict*»). Особое внимание мы обратили на переводные скандинавские сочинения, чтобы точнее увидеть корреляцию латинских или старофранцузских слов скандинавскому «*bleikr*». Так, оригинальное латинское «*capillo molli et flavo*» передано с помощью «*bleikr*»: «*Sterkr oc storradr harid bleikt oc bla augun*». «*Bleikr*» во фразе «*Ok fyrir þui at hon sa hann blæikan ok bloðlausan. Þa hugði hon at hann være dauðr*» выражает старофранцузское «*pale*» («бледный»), тогда как в «*Caḡe o Варлааме и Иосафате*» латинское «*pallidas facies*» («бледные лица») переведено как «*bleiku andliti*» [5]. Да и в самой «*Caḡe ob Александре*» вальтеровское «*palluit*» («побледнел») (V, 100) переводчик превратил в «*sva gerir hann bleikan*» (V, 78). Лишь в переводе «*Физиогномики*» Майкла Скотта на скандинавский язык «*color vehementer albus cum pallore*» (насыщенный белый цвет с бледностью) в переводе стал «*bleikum*» [5].

Проведя анализ, мы пришли к выводу, что прилагательное «*bleikr*» в средневековой скандинавской прозе могло иметь следующие значения: 1) мертвенно бледный цвет; 2) золотистый цвет. В целом наши выводы подтверждаются исследованиями американского лингвиста Дж. Кроуфорда, который в своей диссертации детально изучил основные термины, используемые для обозначения цветов в древнескандинавском языке. Дж. Кроуфорд привел данные, в которых отметил частотность употребления различных цветов, и цвет «*bleikr*» составил в ней менее 5 % от общего числа употреблений всех цветов, что говорит в целом о его редком употреблении [4]. Данные аналогичных исследований Андерсона применительно к англо-саксонскому языку дают примерно схожие с древнескандинавским процентные соотношения употребления различных цветов [1; 2]. Кроме того, Дж. Кроуфорд в приложении к своей диссертации при-

водит все случаи употребления слова «*bleikr*» в древнескандинавской прозе и поэзии, и выясняется, что данное употребление указанного цвета по отношению к полям, равно как и к природе в целом, является *harax legomena* [4, p. 177-179]. Правда, Жд. Кроуфорд все же зафиксировал два случая употребления «*bleikr*»: один по отношению к Солнцу, а другой – к морю, и оба данных объекта сложно в целом назвать «бледными». Основная масса случаев употребления «*bleikr*» по данным Дж. Кроуфорда относится к лошадям [Там же, p. 177-178].

Изучив переводные скандинавские сочинения, можно с уверенностью сказать, что «*bleikr*» скорее соответствует латинскому «*pallidus*» или же «*flavus*», так что подтвердить гипотезу Д. Ашурста о корреляции «*albus*» – «*bleikr*» не представляется возможным. Поэтому, во-первых, на наш взгляд, точнее переводить словосочетание «*bleikar akrar*» не как «бледные поля» (англ. *pale cornfields*), а как «золотистые поля» (англ. *golden cornfields*), тем более что слово «*bleikr*», как и латинское «*flavus*», могло обозначаться для описания цвета золота (например, «*gull a ecke saman nema nafn eitt*») [5; 7, p. 497]. Тот факт, что словом «*bleikr*» мог обозначаться цвет трупов, не должен нас смущать: по данным Дж. Кроуфорда, основным цветом для обозначения трупов был «*blar*», а не «*bleikr*» [4, p. 173-177]. Среди ученых с давних пор существует дискуссия по поводу правильного и более точного перевода слова «*blar*» и обозначаемого им цвета: существуют версии, что он мог обозначать черный или синий цвет. В данной работе мы присоединяемся к мнению Дж. Кроуфорда о том, что «*blar*» – это преимущественно синий цвет. В древнескандинавской прозе нередко встречается метафора «*blar sem hel*» («синий как загробный мир»), что лишней раз подтверждает использование данного цвета в описаниях, касающихся темы трупов и смерти у древних скандинавов [5]. Во-вторых, поскольку «*bleikr*» мог соответствовать отнюдь не только латинскому «*albus*», то и вероятность того, что переводчик «*Александрии*» заимствовал данную цитату именно из Евангелия от Иоанна, представляется нам довольно низкой, к тому же само употребление слова «*albus*» является нетипичным для классической латыни: цвет готовых к жатве колосьев обозначался словом «*flavus*» [7, p. 497]. Примечателен и тот факт, что неизвестный переводчик «*Евангелия от Иоанна*» на западный диалект англосаксонского языка, который со всеми основаниями мы считаем одним из ближайших родственников древнескандинавского языка, переводит цвет полей как «*scire*» (однокоренное с древнескандинавским «*skírr*») – «яркие», «блестящие», так что здесь тоже ни о какой «бледности» речи не идет.

Что касается этических аспектов, а также вопросов мотивации Александра в сцене на холме и ее соответствия или несоответствия поступкам Гуннара из «Саги о Ньяле», то данная часть дискуссии между Л. Леннротом и Д.

Ашурстом представляется нам напрямую не относящейся к теме данной статьи, поэтому опустим здесь ее содержание, за исключением одного эпизода, который попал в сферу внимания Д. Ашурста. Речь идет о сне Александра в I книге «Александрии», в котором ему явился священник Иерусалимского храма (I, 504-538). Сама история восходит к «Иудейским древностям» Иосифа Флавия и по сути является некоей байкой, однако Вальтер Шатильонский, судя по всему, воспринял ее как исторический факт и включил в свою поэму [11, p. 333-344]. Согласно Вальтеру, Александру, который находился в сомнениях, стоило ли ему далее преследовать персов, или же лучше остаться защищать собственную землю («incertus sequererne hostes patriamne tuerer») (I, 509), внезапно во сне явился человек в одеждах священника, однако сам Александр сразу этого не понял. В скандинавской же версии есть существенные отличия: дилемма для македонского царя заключается уже не в преследовании врагов, а в защите собственных земель, которые Александр получил от Филиппа, или завоевании себе большего царства: «Ok hugsaða ek með mér hvárt ek skylda at eins verja þat ríki er faðir minn hafði átt, eða afla mér meira» («И я размышлял, следует ли мне только защищать то королевство, которое было у моего отца, или же завоевать себе большее») (I, 15). Как мы видим, переводчик сделал акцент на наличии у Александра захватнических планов. Кроме того, в описании самого видения в «Саге об Александре» македонский царь сразу понимает, что перед ним священник: «Hann var harðla vel klæddr, ok því líkast sem biskupar þá er þeir eru skryddir biskupsskrúði» («Он был величественно одет, практически так же, как одеваются епископы, когда они облачаются в епископские одежды») (I, 15). Слово «biskup» в данном случае обозначает не христианского епископа, а именно иудейского священника: именно так оно употреблено в «Саге об Иудеях», которая, по мнению ряда исследователей, была переведена тем же автором, что и «Сага об Александре», возможно, Брандом [19; 18, p. 376-379].

Д. Ашурст использует эпизод с видением Александра в качестве доказательства мессианской роли Александра в «Александрии» и «Саге об Александре», с чем, безусловно, следует согласиться, и лишним тому основанием служит содержание X книги поэмы, где адские силы останавливают македонского царя, организовав его убийство через Антипатра, чтобы Александр не смог отворить врата Ада и освободить заточенные там души, то есть исполнить миссию, уготованную Христу. Освобождение Иисусом душ в аду, его сошествие в Ад описано в признанном сейчас апокрифическим «Евангелии от Никодима», однако в Средние века оно было хорошо известно и считалось правдивым повествованием едва ли не наравне с четырьмя каноническими Евангелиями. Имеется даже англосаксонский перевод «Евангелия от Никодима» [10]. Ряд христианских авторов пытались найти объяснение тому, как язычник смог завоевать такие огромные территории, и остановились на наличии у Александра некоей Божественной миссии [3, p. 290]. Тем не менее, по изложенным выше соображениям мы не можем признать доказанной версию о том, что «bleikar akrar» слетели с пера переводчика под влиянием «Евангелия от Иоанна», поэтому и интерпретация Д. Ашурста о том, что «Сага об Александре» пронизана идеей о реализации македонским царем своей высшей миссии как жатвы, порученной Богом, представляется в целом неубедительной.

Итак, проведя анализ «Саги об Александре», являющейся переводом с латыни на древнескандинавский язык оригинальной поэмы Вальтера Шатильонского «Александрия», а также исследований, посвященных данному памятнику древней поэзии, мы выяснили, что сочетание «bleikar akrar» ошибочно было переведено как «бледные поля». Анализ лексических единиц с семантикой цвета в древнескандинавском языке убеждает, что более адекватным будет перевод «золотые поля».

ЛИТЕРАТУРА

1. Anderson E.R. Folk-Taxonomies in Early English. Madison, 2003. 587 p.
2. Anderson E.R. The Semantic Problem of «Red Gold» in Germanic // English Studies. 2000. Vol. 81. P. 1-13.
3. Ashurst D. Snares of the Devil? The significance of the pale cornfields in Alexanders saga // Saga-book. № 25. London, 1998-2001. P. 272-292.
4. Crawford J. The historical development of basic color terms in Old Norse-Icelandic. Wisconsin, 2014. 232 p.
5. Dictionary of Old Norse prose. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php> (дата обращения: 11.01.2023).
6. Foote P. Review Article: New dimensions in «Njáls Saga» // Scandinavica. 1979. № 18. P. 49-58.
7. Forcellini E. Lexicon totius Latinitatis. Padua, 1940. URL: <http://lexica.linguax.com/forc.php> (дата обращения: 11.01.2023).
8. Haan den A. Giannozzo Manetti's New Testament. Translation Theory and Practice in Fifteenth-Century Italy. Groningen, 2015. 558 p.
9. Horace. Rushton, H. (transl.). Satires. Epistles. The art of poetry. Cambridge, 1942. 508 p.
10. Hulm W.H. (ed.). The Old English version of the Gospel of Nicodemus, 1898. 87 p.
11. Josephus F., Thackeray H.S.J. (ed., transl.). Cambridge, 1926. Vol. 1-3.
12. Lönnroth L. «Hetjurnar líta bleika akra: Athuganir á Njáls sögu og Alexanders sögu» // Skírnir. 1970. № 144. P. 120-160.
13. Migne J.-P. Patrologia Latina. Vol. 22. Paris, 1859. 221 p.
14. Sveinsson E.O. (ed.) Brennu-Njáls saga. Reykjavík, 1954. 514 p.

15. Unger C.R. (ed.). *Alexanders saga*. Copenhagen, 1848. 252 p.
16. Walter of Châtillon, Colker, M.L. (ed.). *Galteri de Castillione Alexandreis*. Antenore, 1978. 534 p.
17. Weber R. (ed.) *Biblia sacra iuxta vulgatam versionem*. Stuttgart, 1969. 1980 p.
18. Wolf K. *Gyðinga saga, Alexanders saga and Bishop Brandr Jónsson* // *Scandinavian Studies*. 1988. № 60. P. 371-400.
19. Wolf K. (ed.). *Gyðinga saga*. Reykjavik, 1995. 233 p.

© Борисенко Даниил Сергеевич (ColonelMas1997@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный гуманитарный университет